

АННА СААКЯНЦ – В ЦВЕТАЕВЕДЕНИИ И НЕ ТОЛЬКО

(С публикацией фрагментов из писем 1965-2000 гг.)

НАТАЛИЯ ГОНЧАР

Думаю, я не ошибусь, если скажу, что у цветаеведения, которому в советские времена так трудно давались первые его шаги и которое сегодня уже так широко и вольно, так разветвленно раскинулось, было, есть и пребудет свое заглавное имя – имя дочери поэта, Ариадны Эфрон, с середины 1950-х посвятившейся тому, что считала первейшим и главным своим делом – архиву матери, публикации ее произведений, творческой, толковательной, писательской работе во имя достоверной обрисованности образа Марины Цветаевой и верного постижения смысла и своеобразия ее поэзии. С той же поры первых цветаевских изданий и публикаций рядом с Ариадной Эфрон и вместе с ней с великим увлечением и самоотдачей посвятилась работе по «возвращению» Цветаевой Анна Саакянц – тогда молодая сотрудница Гослита, соредактор первого небольшого издания из поэзии Цветовой (1961), впоследствии и надолго – виднейшая, авторитетнейшая, можно сказать – базовая и при этом обаятельнейшая фигура в цветаеведении.

В 1965 году, когда готовилась публикация в журнале «Литературная Армения» прозы Цветаевой о Мандельштаме («История одного посвящения»), в связи с чем началась моя (как сотрудницы редакции) переписка с А.С.Эфрон, в одном из писем ко мне Ариадна Сергеевна написала: «... посылаю Вам «врез» к «Истории». Все – на Ваше усмотрение... Корректуру, пожалуйста, шлите (дается адрес – Н.Г.) Анне Александровне Саакянц. Это – мой «соавтор», вернее – соратник по цветаевским делам, к тому же компатриотка (журнала!)» (142)¹. Когда наметилось в перспективе издание цветаевского тома в «Библиотеке поэта», А.С.Эфрон писала главному редактору БП В.Н.Орлову: «... Любое издание требует огромнейшей подготовки и должно осуществляться чистыми и умелыми руками. Я очень была рада, что Вы подумали именно об А.А.Саакянц для сотрудничества в предполагаемом томе Биб<лиотеки>

---

¹ Письма ко мне А.С.Эфрон (1965-1975) опубликованы в журнале «Вестник Ереванского университета», 1992, №3 (Наталья Гончар. Вокруг цветаевских страниц в «Литературной Армении» 1960-х, с публикацией писем А.С.Эфрон), то же в кн.: «Марина Цветаева в ереванских публикациях 1960-1990-х». Ер., 1999, с.134-157. К фрагментам из писем указывается страница книги.

поэта, она очень хороший, настоящий, по влечению *знаток* Цветаевой. У нее очень много собрано. Она человек спокойный и порядочный и никогда на таком – да и на любом другом деле – не будет нагревать руки...». Несколько строк из письма П.Г. Антокольскому от 7 августа 1966 г.: «... Все, что Вы, т.е. все, *чего Вы* не читали мамино, есть у Ани Саакянц (Вы ее знаете по Гослитиздату, она хорошая девочка и великий знаток МЦ перед Всевышним), и все Вам будет доставлено». И наконец самой А.А.Саакянц в 1961-ом Ариадна Эфрон, имея в виду подготовку тома для БП, писала: «... Я надеюсь и верю, что мы с Вами хорошо поработаем над тем, что нам обеим дорого. Я недоверчиво отношусь, – как это ни странно – к тем, кто «любит Цв<етаеву>» – для меня это настолько ко многому обязывающее понятие! Но вот мне думается, что Вы любите так, как надо – и ей, и мне. И у Вас абсолютный на нее слух, т.е. та одаренность именно к ней, без которой невозможна абсолютная к ней любовь»².

Анна Саакянц стала соратником А.С.Эфрон, ее доверенным лицом в цветаеведении, и как в годы совместной их работы, так и во все последующие (до последнего!) всецело оправдала это доверие своей посвященностью исследованию, осмыслению, освещению – с любовью и пониманием – жизни и творчества великого русского поэта Марины Цветаевой.

Если есть в сложившемся на сегодня цветаеведении свои «классики», то таким, несомненно, и является, и признана А.А.Саакянц, почему и небезынтересно, как и что происходило, что увлекало, волновало, что огорчало или радовало, угнетало или вдохновляло ее, побуждало к творчеству, к деятельности, работе.

Думается, что представленные, с дополнениями к ним, фрагменты из многолетней моей переписки с А.А.Саакянц, хранящие живой, непосредственный ее голос, слово и интонации, в своей последовательности, по-своему такому интересу ответят.

Началась наша переписка в 1965-ом, велась вокруг публикации, о которой сказано было выше, а продлилось заочное это общение (как и очное) до конца века, с постоянным присутствием в обоих видах общения «цветаевской темы».

Итак, обратимся к фрагментам:

/.../ «Историю одного посвящения» я получила, спасибо. К сожалению, этот экземпляр очень неважных качеств и «сойдет» лишь при условии, если внимательнейшим образом сверить верстку. (Вставки по рукописи не будут большими по объему)...

Я очень прошу Вас выслать на мой адрес (Ариадна Сергеевна может застрять в Тарусе из-за карантина, тогда мне придется «влезать» в архив без нее у нее дома). Она, вероятно, Вам обо всем этом тоже написала, но я на всякий случай пишу еще раз. Задержки с корректурой не будет: верну моментально. Примечания, разумеется, тоже присылайте. А когда ожидается верстка?.. (19.11.1965).

---

² Цит. по кн.: **Ариадна Эфрон**. История жизни, история души. В 3 томах. Т. 2. М., 2008, с.125, 255, 101.

/.../ Умоляем об экземплярах: хотя бы (minimum) – 10. Не претендуем, конечно, на сплошную бесплатность, – разве что от щедрот ваших... Ждать «терпеливо», как Вы советуете, не могу. Только – с нетерпением!.. (11.02.66).

/.../ Огромное мерси за первый номер. Это – нам большая радость, а вы – молодцы (Вы – молодец). По-моему, дивный номер, мандельштамовский. Ах, как жаль, что МЦ не была в Армении, а только в Коктебеле!

Конечно же, с нетерпением (хотя и не таким смертельным, как вначале) ждем от Ваших щедрот 20 экземпляров. Глядим: мы (?) повысили тираж «Лит.Армении» на 1300 экземпляров! Процветайте и дальше в такой же прогрессии! – Нет, Вы явно нас радуете, да еще и деньги обещаете прислать. Этак я не только найду душевное счастье, но и ухитрюсь квартиру с помощью земляков построить!

Насчет земляков, кстати. Увы, ничем не могу помочь не только милому Сереже Дароняну³, – которому прошу передать мой нежный привет, – но и вообще уже никому. Издательство «Сов. писатель», которое клялось продать нам экземпляры⁴, сегодня начисто отказало. Не получим ни одного. Большого издеательства (мы им полтора месяца звоним) я себе не представляю. Думаю, у вас такое сумасшествие просто невозможно. – Не хочу больше говорить об этом и беречь свои незажившие раны, – если бы Вы знали, сколько и каких людей осталось без книги...

/.../ лихорадочно жду первые номера, чтобы хоть чем-то искупить свой невольный грех перед теми, кому не досталась книга. У Ариадны Сергеевны, по-моему, такое же настроение. Она очень радуется №1, как и я... (23.02.66).

О «настроении» и «радости» А.С.Эфрон можно судить по таким строкам из ее письма ко мне от 20 марта 1966 г.: «Мы тут все тоже очень рады мандельштамовско-цветаевскому номеру Лит.Армении... Интерес к этой публикации – огромный, но журнал достать еще мудренее, чем цв(етаевскую) книгу! Там хоть спекулянты могут выручить, а тут и им журнал недоступен. Т.ч. присланные Вами номера (за к-ые большое спасибо!) разлетелись, как можете себе представить, в одно мгновение. Один из них (номеров) отправила в Коктебель, Марии Степановне Волошиной, вдове поэта, от к-ой уже получила восторженную благодарность, каковую и делю с Вами /.../ Поехала «Лит. Армения» и в Мексику, и во Францию, и в Швейцарию, к маминим друзьям, последним ее (и М-ма) современникам» (с.144).

Редакция «ЛА» предвидела повышенный интерес к номеру журнала с публикациями из Мандельштама и Цветаевой, а потому и заказала типогра-

---

³ Даронян, Сергей Карпович (1925-1990) – литературовед, д-р филол. наук (1968), в 1956-1964 гг. работал в том же, что и А.Саакянц, издательстве, заведовал, в частности, редакцией литературы народов СССР, затем переехал в Ереван, где и продолжал свою деятельность.

⁴ Имеется в виду вышедший в 1965 г. в большой серии «Библиотеки поэта» том избранных произведений М.Цветаевой, подготовленный А.С.Эфрон и А.А.Саакянц.

фии за свой счет двести экземпляров сверх тиража, с тем чтобы иметь свой резерв для рассылки. В первую очередь, конечно же, более 20 экземпляров послано было «соавторам» цветаевской публикации А.С.Эфрон и А.А.Саакянц. В течение всего 1966 года в редакцию приходили и приходили письма с просьбой об этом номере «ЛА», так что сверхтиражные экземпляры разослались по многим «литературным» и читательским адресам, благо в ту пору почтовые расходы были не те, что ныне.

/.../ Пребольшое Вам спасибо за присланное. Вы сверхмилы и великолепны. О Боже, как это не вяжется с повальным безразличием к делу и к людям, – даже сказать немыслимо. – В прошлом письме Вы писали о «Моем Пушкине». Да, конечно, вышлем Вам непременно, сколько бы экземпляров нам ни разрешили купить. А разрешить могут, в частности, не больше пяти: от этих московских бюрократов всего можно ожидать. Это не восточная щедрость. Особенно приятно было получить бандероль в день своего рождения – то бишь вчера. Вот был подарок!

Ну что ж? Теперь – до новых шедевров? А прозу Мандельштама об Армении Вы не собираетесь печатать?⁵ – Вообще: напишите, есть ли у Вас на горизонте еще какие-либо «левые» планы? (04.03.66).

/.../ Только сейчас удалось мне на мгновение получить и пробежать Василия Гроссмана в № 6 и 7 за прошлый год. Это – прекрасно! Неужели у нас с отцом не будет этой светлой, святой прозы? Неужели Вы нам не поможете ее раздобыть? Очень, очень и еще раз очень прошу Вас сотворить чудо и осчастливить нас шестым и седьмым номерами. Заранее благодарю за попытки, которые Вы, несомненно, предпримете... (март, 1966).

В №№ 6,7 за 1965 г. в «ЛА» пробилась в свет пресеченная цензурой в «Новом мире» замечательная «армянская» проза Василия Гроссмана «Добро вам». Публикация ее в «Новом мире» при жизни автора не состоялась. При подготовке ее писателем и сделаны были, и приняты, в согласовании с редакцией, некоторые сокращения, однако он категорически отказался от публикации с изъятием из текста – по главлитовскому запрету – чрезвычайно дорогих ему строк («Я низко кланяюсь армянским крестьянам, что в горной деревне во время свадебного веселья всенародно заговорили о муках еврейского народа в период фашистского гитлеровского разгула, о лагерях смерти, где немецкие фашисты убивали еврейских женщин и детей, кланяюсь всем, кто торжественно, печально, в молчании слушал эти речи. Их лица, их глаза о многом сказали мне */.../ До конца жизни я буду помнить речи крестьян, услышанные мной в сельском клубе*»).

---

⁵ Прозу Мандельштама «Путешествие в Армению» журнал опубликовал в №3 за 1967 год.

По достигнутой договоренности получив новомирскую верстку «Добро вам» с обведенным в ней запретительным красным карандашом фрагментом, в редакции «Литературной Армении» решили не посчитаться с запретом – оставить фрагмент в надежде на иное, чем в Москве, прочтение армянскими цензорами. Так что в публикации «ЛА» дорогой автору фрагмент сохранился, как и в подхватившем эту публикацию сборнике «Глазами друзей» (Ереван, 1967). Излишне говорить о том, как много значила эта публикация по тем временам и как велик был к ней интерес.⁶ Познакомившаяся с посланным ей №7 А.С.Эфрон в письме ко мне от 27 окт.1965 г. отозвалась об этой публикации так: «Какой чудесный Гроссман в Вашем журнале!» (с.142).

/.../ теперь хочу Вас от всего сердца поблагодарить за Волошина. И статья его хороша, и портрет дивный (имеются в виду статья М.Волошина о М.Сарьяне и портрет Волошина кисти Сарьяна, появившиеся в «ЛА» в №8, 1966 – Н.Г.). Очень, очень была рада. Я его (Волошина) очень люблю по-человечески – благодаря Марине. «Лит.Россия», кстати, просила подобрать им страничек на десять из ее воспоминаний о Волошине. К подборке его стихов, уже готовой... (12.11.66).

/.../ Рада была получить от Вас весточку. Спасибо за Райт-Ковалеву сердечное (имеется в виду номер «ЛА» /1966, №10/ с воспоминаниями Р.Я.Райт-Ковалевой об Анне Ахматовой – Н.Г.). Один экземпляр, так и быть, выдам А.С. Она – в Москве, и, надо думать, что как только разделается с переводами французов, так и соорудит то, что вам обещала. Во всяком случае она очень хочет это сделать – так и просила передать, – а слово свое всегда держит... (07.12.66).

Уже после выхода цветаевско-мандельштамовского номера «ЛА» и по получении посланных ей экземпляров А. С. Эфрон в письме ко мне (от 26 марта 1966 г.) предложила: «... не хотите ли, чтоб я для вас написала крохотную (вероятно, странички на 3-4) заметочку – воспоминание о встречах (в Париже) МЦ с в а ш и м поэтом А. Исаакяном? Помню, к сожалению, немного, но – что помню, то помню. Я думаю, каждая крошка о нем дорога; так или иначе надо будет записать» (с.144).

Предложение это было воспринято, конечно же, с живой заинтересованностью. Со стороны редакции было предложено еще и сопроводить публикацию такого материала подборкой стихотворений обоих поэтов. Приведу строки из своего письма А. С. Эфрон от 28 марта 1966 г.: «... Ваше предложение – написать несколько страниц воспоминаний о встречах МЦ и АИ – прекрасно. Как Вы относитесь к возникшему у меня в этой связи плану: дать эти

---

⁶ Подробно см. об этом: **Н.А.Гончар-Ханджян**. К истории публикации «Добро вам» В.Гроссмана и к истории журнала «Литературная Армения». // «Лит. Армения», 1989, №2, с.76-87).

воспоминания (причем страниц может быть не обязательно 3-4, а и больше, можно написать воспоминания о МЦ вообще в эти годы, в которые попадают и встречи с Исаакяном, можно написать об их отношении к поэзии вообще и т.д.), после чего дать несколько новых переводов из Исаакяна и *несколько неопубликованных стихов Цветаевой*. Если Вы согласитесь сами перевести для нас два-три стихотворения Исаакяна для этого комплекса, то это будет из рук вон хорошо, все выйдет спаяно, четко, не придраться. /.../ Если Вы согласны перевести, то я самолично отберу хорошие стихи, сделаю тщательнейшие, подробнейшие подстрочники и пришлю. Сроки выберите сами. Если почему-либо переводить не захотите, то попросим у Вас только воспоминания и стихи МЦ, а Ис/аакяна/ сделает кто-нибудь другой. Словом, решайте, как лучше. И напишите мне».

От мемуарного замысла А. С. Эфрон (с прибавлением моих попыток настроить ее на расширение замысла) до исполнения его, а затем и публикации в «ЛА» (№8,1967) протекло больше года. Память о том, как это сложилось, состоялось и что состоялось, а что нет, как был воспринят состоявшийся «кусочек воспоминаний» под названием «Самофракийская победа», сохранилась в нашей переписке, фрагментами из которой нелишне дополнить касающиеся этого строки в ряде писем А. А. Саакянц.

Из письма А. С. Эфрон от 12 июля 1966 г.:

«... Спасибо за сведения об Исаакяне, они во многом, в частности в датах, совпадают с тем, что помню; (увы, то, что помню /о нем/ – в основном о б р а з , который еще предстоит «воплотить в слова»).

А образ – на фоне т о г о Парижа, и т о г о дома, где они, т.е. Исаакян с мамой встречались, – интересен и своеобразен; потому-то и запал в память, и сохранился, несмотря на то, что стихи свои он читал на непонятном языке; интересно, что теперь, столько лет спустя, встретилась и со стихами (пусть это не прозвучит н а и в н о: встретиться с ними можно было и раньше, но – всему с в о е время!)

А напишу, и переведу (если последнее удастся, пока еще не разобралась в р и т м а х стихов!) ближе к осени; после своих тяжелейших переводов хочу устроить хоть небольшой «перекур», проветрить голову и самой хоть чуть отдохнуть. Постараюсь все это сделать на свежую голову, авось получится, а не получится, где наше не пропадало!..

2-3 стихотворения МЦ подберу из не вошедших в книгу (не втиснувшихся!)» (145-146).

Время шло, переписка продолжалась (касаясь, в частности, и «замысла»), и вот наконец 1 мая 1967 г. А. С. Эфрон пишет: «... Кусочек воспоминаний об Исаакяне и маме высылаю Вам на самых днях (сейчас заканчиваю); называться будет «Самофракийская победа»; вышлю и репродукцию этой победы (статуи в Лувре). Что до стихов, то я сейчас совершенно не в состоянии переводить – и по времени, и по состоянию гипертонической головы. М.б. и так, «всухую»

пройдет?» (146). И уже вскоре после этого, 10 мая 1967 г.: «... посылаю Вам свою убогую мазню (служенье муз не терпит суеты – и требует, само собой разумеется, таланта, у меня же – лишь суета; в переизбытке!). Посылаю минцикл к Ахматовой; 4 стихотворения оттуда /.../ вошли в последнюю книгу, 7 остающихся были опубликованы в давнем-предавнем сборнике «Психея», т.ч. фактически никому сейчас неизвестны. М.б. они – весь цикл или «в розницу» – подойдут Вам для «русского» № – ибо русский поэт о русском поэте. В общем, посмотрите. Посылаю и снимок «Самофракийской победы; если хвостик воспоминаний⁷ моих подойдет Вам, то можно иллюстрировать этим снимком...» (146).

Можно было бы, конечно, – и тогда, и сейчас – пожалеть о том, что не состоялся предложенный со стороны редакции «ЛА» расширенный замысел, не добавилось на страницах «ЛА» что-то к постепенно публикуемому из поэзии Цветаевой, а имя такого прекрасного мастера стихотворного перевода, как Ариадна Эфрон, не оказалось в одном ряду с именами переводивших Аветика Исаакяна Бунина, Блока, Брюсова, Пастернака, Ахматовой, Ахмадулиной. Можно было бы, но обошлось тогда, и уж тем более обойдемся без сожалений сегодня, – ведь вся поэзия Цветаевой уже доступна читателям в стольких изданиях и переизданиях и так велик уже и так разнообразен в своих проявлениях интерес к ее личности и творчеству; ведь переводы Ариадны Эфрон из Гюте, Бодлера, Верлена и других французских поэтов, снискав высокую оценку знатоков и ценителей⁸ переходят – как принадлежащие к лучшим – из издания в издание; наконец, многое из поэзии Исаакяна и хорошо, и даже более чем представительно переведено на русский. Состоялось ведь главное – *мемуарный «дебют» Ариадны Эфрон*. Написан был ею и появился в свет замечательный рассказ о встречах «двух горцев поэзии», и можно сказать, что «Самофракийская победа» и для автора, и для журнала, ее опубликовавшего,

---

⁷ Примечательное свидетельство о прекрасно задуманном и написанном «хвостике воспоминаний» (встреча поэтов в Лувре) см.: *Анна Саакянц*. Спасибо Вам//Воспоминания, письма, эссе. М., 1998, с.69-70.

⁸ Вот что пишет, к примеру, Е.Г.Эткинд о переводах Ариадны Эфрон: «... Ее Бодлер, Верлен, Теофиль Гюте феноменальны. Мать перевела поэму Бодлера «Плавание», дочь – несколько знаменитых стихотворений из «Цветов зла», и ее переводы не уступают переводческому шедевр Цветаевой. Можно ли забыть ее стиховые формулы? Ее Бодлер врезается в память навсегда /.../ Бодлер Ариадны Эфрон – многосторонний, многостилный при всей своей строжайшей классичности поэт, способный соединить в идеальном по структуре сонете «бочку данаид», «бездну бездн», «стоглавого дракона» с «пьянчугой» и с таким оборотом, как «спиться с круга». Это, разумеется, богатство Бодлера; но оно по-русски впервые обнаружилось под пером Ариадны Эфрон. А как талантлив в ее исполнении французский поэт-драматург XVIII века Поль Скаррон! /.../ Переведенный ею Арагон риторичен, но и глубок, великолепен, убедителен – иногда он по-русски оказывается сильнее, чем в оригинале...». – «Новый мир», 2000, №1, цит. по: *Ариадна Эфрон*. История жизни, история души. В 3 т. Т.3. М., 2008, с.366. О том, над переводами из каких авторов и как, из году в год, работала А.С.Эфрон, подробно (как свидетель этой работы) рассказывает Анна Саакянц во второй книге своих воспоминаний: «Только ли о Марине Цветаевой?», с.64-82 (Поэт, дочь поэта. Ариадна Эфрон – переводчик). Особого внимания – с точки зрения этических и эстетических принципов переводчика – заслуживает приводимое здесь, на с.78, письмо А.С.Эфрон (1969 г.) в ответ на предложение ей перевести по подстрочнику стихотворения Лорки.

стала в обстоятельствах той поры тоже – для каждого по-своему – победой.

О «победе» этой, как и о других планах, замыслах, публикациях, связанных не только с Цветаевой, но всегда и с ней, говорит в своих письмах и А. Саакянц.

/.../ Цветаева меня душит. Просят все текстов, публикаций (времена изменились!). А мне хочется, наконец, тишины и покоя, чтобы сесть и написать что-нибудь порядочное о ней. Доколе все комментировать и публиковать? Кстати: Ваше предложение о публикации МЦ в «ЛА» помню, и есть кое-какие соображения (по стихам). Но, право, нет возможности и времени сейчас, наугад, перепечатывать: а вдруг они Вас не устроят? Так что я очень рада, что смогу их Вам показать, когда будете в Москве; вместе и решим, что делать... (24.03.67).

В следующем письме, уже прочитав в машинописи посланное А.С.Эфрон журналу: /.../ P.S. «Самофракийская победа» – бесподобна. Не так ли? (15.05.67).

/.../ Спасибо большущее за «Армению»⁹ – Вы мне доставили большую радость. Второй экз. оказался безумно кстати, так как Ариадна Сергеевна послала той самой красавице Саломее Андрониковой,¹⁰ о которой она так изящно пишет в своей «Самофракийской победе». – Саломея Николаевна жива и в свои 80 лет выглядит 50-летней женщиной. – Порода!

Что до Ваших хороших слов по адресу цветаевского № «Москвы», то принимаю их лишь на счет МЦ; мой «врез» изувечен редакцией максимально, в цензурных соображениях, но книгу об МЦ писать очень даже желаю. Вопрос лишь за пустяком: временем, которое у меня появится, надеюсь, к моим 55-ти, т.е. к пенсии.

Напишите мне до отъезда.. – В какой №, между прочим, Вы собираетесь засунуть рассказ Ариадны Эфрон? Очень Вас прошу заранее: пришлите мне, пожалуйста, хотя бы 5 штук номеров с этим рассказом... Мне нужно многих одарить, а сама Ариадна Сергеевна сверхскромна, недовольна этой штукой (речь о «Самофракийской победе» – Н.Г.), и с громадным трудом я у нее выдерала машинопись. Это – совершенно поразительно – талантливо, и цены она себе просто не знает. Вот кому стоит бросить все и писать свое ... (28.05.67).

В первые (1960-ые) годы «возвращения» поэзии и прозы Цветаевой к отечественному читателю Анна Саакянц, в сотрудничестве с А.С.Эфрон, подготовила и представила в литературной периодике целый ряд публикаций из

⁹ Речь о №3, 1967, с прозой О.Мандельштама «Путешествие в Армению».

¹⁰ **Андроникова-Гальперн Саломея Николаевна** (1888, Тифлис – 1982, Лондон), поэтическое прозвище – «Соломинка». С 1906 г. в Петербурге, с 1925 г. в эмиграции (Париж, Лондон). В Петербурге создала свой литературный салон, пользовавшийся большим успехом. Была одной из самых известных красавиц своего времени – «музой Серебряного века», художники писали ее портреты, поэты посвящали стихи (Мандельштам, Ахматова, Г.Иванов, Г.Робакидзе и др.). Дружила с Мариной Цветаевой, в 1926-1934 гг. поддерживала ее материально и морально. Сохранила и, в согласовании с А.С.Эфрон, передала в ЦГА-ЛИ (РГАЛИ) письма Цветаевой (свыше 120), о чем см. в письмах и примечаниях к ним в кн.: **Ариадна Эфрон**. История жизни, история души. Т.2, с.271-276.

наследия Цветаевой. Две из них появились в журнале «Москва» – «Пленный дух» (воспоминания об Андрей Белом) и «Дом у Старого Пимена», ко второй (1966, №7, 121-145) и относится сказанное в письме. Какими были тогда «хорошие слова», скромно принятые публикатором «лишь на счет Цветаевой», за отсутствием своих писем представить не могу, но и сегодня не могу не оценить в «хороших словах» полувековой уже давности «врез» Анны Саакянц, несмотря на изувеченность его редакцией проговоривший о публикуемом произведении, об авторе вещи очень важные, серьезные, верные. И подтвердит это, в частности, такой фрагмент:

«...В быте, в укладе, во взаимоотношениях семейства Иловойских – явлена эпоха. Подобно тому, как каждая клеточка единого организма несет в себе качества целого, так в каждой мелочи и детали Цветаева сумела увидеть и передать приметы целой эпохи. В этом смысле «Дом у Старого Пимена» – произведение историческое. Чувство истории – в каждой его строке.

Невозможно не сказать также и о большом даре психологического проникновения поэта в характеры воскрешаемых им лиц – о поэтическом «яснозрении», домысливании, превращающим просто достоверное – в типическое, частное – в общее. Обитатели старопименского дома, оживая под пером художника, вызвавшего их из небытия, вызывают к читательскому сочувствию, сомыслию, сопереживанию.

И хотя Цветаева пытается утверждать, что она ничто и никого не судит. – она опровергает это каждым словом. Ее «Дом у Старого Пимена» – не только суд, но и приговор. Приговор будущего – над прошлым. Приговор истории, развивающейся поступательно, над историком, желающим повернуть ее вспять или хотя бы остановить. Приговор торжествующей жизни – над тленом и прахом» (указ. №, с. 125).

В 1967-ом *так* понимавшая Цветаеву, *так* писавшая о ее «чувстве истории», «даре психологического проникновения», «яснозрении» Анна Саакянц не могла спустя десятилетие, в 1977-ом, в своем «Открытом письме Мариетте Шагинян» не взять Цветаеву под защиту от ряда небрежностей и от самого отчужденно-снисходительного, сожалеюще-поучительного тона страниц о Цветаевой в мемуарах М. Шагинян / «Новый мир» 1977, №1/, которая в советские годы, в отличие от Цветаевой, не «выпала из эпохи», а «приросла» к ней и брала свои «уроки» у Ленина, о Цветаевой же писала как о «осмысленно, внутренне, вместе с народом» не испытывавшей «важнейших, величайших периодов русской истории», не сумевший «прирасти к новой социальной действительности»¹¹.

/.../ Я уж подумывала, куда Вы исчезли и собиралась написать Вам. Хотя

---

¹¹ См. это письмо в: Анна Саакянц. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.1997, с.762-764).

жизнь идет без перемен и ничего такого в письме-то не напишешь. События происходят главным образом внутри тебя, – а разве это можно выносить на площадь? Или писать об этом? Так же, как и Вы, была измучена, но счастлива, ознакомившись с тем, с чем ознакомились Вы, когда жили в столице (речь о «самиздатовском» Солженицыне – Н.Г.). Буду возвращаться к этому снова и снова. А когда будете в Москве, – угощу еще кое-чем, – если Вам это незнакомо пока. Из той же оперы...

За вторичное приглашение (первое было устное) приехать в Ереван сильно благодарю Вас и даже за него цепляюсь. (Очень действительно этого хочу.) Можно на будущий год? На бархатно-осенний сезон? С 15 сентября начиная? Если – да, буду очень рада. /.../ С ужасом констатирую, что ничего за два месяца (как из отпуска вернулась) не сделала. Уж полгода, как не могу выжать из себя утлую рецензию на книгу О.Михайлова о Бунине (речь о кн. «И.А.Бунин. Очерк творчества», М., 1967 – Н.Г.) ... Напишите мне ругательное письмо, в котором заставите меня приступить, наконец, к МЦ (04.10.67).

/.../ Пребольшущее спасибо Вам за журналы – не нахожу прямо-таки слов благодарности. И восхищения: в печатном тексте рассказ А. С. еще лучше, чем в машинописи. Господи, хоть бы она побольше писала! Она же – большой талант!..

Вы приобрели книжки МЦ «Мой Пушкин» и «Просто сердце» (в серии «Мастера поэтического перевода»)? Понимаю, что кощунство спрашивать такие вещи, но – все мои друзья до единого остались без этих книжек, так что никому не обидно. Не в обиду зато – участники предоктябрьских и октябрьских торжеств, ибо книга широко продавалась во Дворце Съездов... (20.11.67).

/.../ Холода чуть ослабели, дел множество, но я их до последнего момента не делала: лень восточная, взявшая, наконец, верх над всеми наносными всплесками деятельности. И – уход в себя... Мне необходимо работать над МЦ ! Почему я этого не делаю? Вместо этого я на Бунечку перешла; правда я люблю его беззаветно и беспамятно... Хочу рецензию на книжку Бабореко написать (кн.: А.К.Бабореко «И.А.Бунин. Материалы для биографии», М., 1967 – Н.Г.). На книжку Михайлова уже написала... Но ведь это – измена МЦ! Клянусь: вот уж после отпуска возьмусь за МЦ – обещаю.

Теперь «слушайте сюда». Пойдут ли у Вас стихи МЦ об Ахматовой? Вот было бы хорошо! Но непременно – с «врезом», как в мандельштамовском номере: МЦ и Ахм., их взаимоотношения. Без этого – неинтересно; а сказать кое-что, в пределах полутора-двух страниц, – можно. Напишите, как Вы к этому относитесь, – рожу (совместно с А.С. или одна) – такой врез. (25.01. 68).

«Было бы хорошо», поскольку в «Избранное» 1965-го из 11 стихотворений цикла вошли лишь четыре, хотя на полноте цикла настаивали готовившие издание А.С.Эфрон и А.А.Саакянц в письме инициатору этого издания, глав-

ному редактору «Библиотеки поэта» В.Н.Орлову: «... Цикл «Ахматовой» по предложению редакции сокращен до минимума и давать всего три стихотворения /.../, в то время как все остальные, равноценные циклы 1916 года идут почти все в *полном* виде – немыслимо... циклы стихотворений к Ахматовой и к Блоку занимают равное место, это циклы-«близнецы», ибо образы Блока и Ахматовой, созданные Цветаевой, – это образы-«близнецы»...»¹². Убедить не удалось. Не состоялась и публикация цикла у нас. Зато, поскольку в журнале подготавливалось на то основание, предложено было дать на страницах «ЛА» прозу о Волошине «Живое о живом», о чем и пойдет речь в следующем письме.

/.../ Я была в «Москве»; поскольку там еще нет нового главного редактора (Поповкин умер), то – безвластие и неразбериха. Поэтому МЦ пока лежит; я забрала. Но с условием, что ежели что-то забрезжит, то они мне дадут знать и, Вы понимаете, что в целях тиража «Москва» была бы лучше. Но не очень-то я верю... Во всяком случае мы с А.С. Вас слезно просим, как только это будет в Ваших силах, поскорее решить судьбу Волошина. Конечно, факт публикации был бы очень и очень важен. Пес с ней, с «Москвой», в конце концов, но ответ дайте нам быстрее – пожалуйста. И еще. Там последние 10 страниц сомнительны. Стоит ли их давать, «дразнить гусей» и пр. Редакции, конечно, виднее, но А.С. «дополнительно» беспокоится из-за того, что если, мол, пройдут 3000-м тиражом некоторые вещи оттуда и потом Ваш журнал печатно облают, то это повредит печатанию МЦ в будущем. Вот какой дальний прицел. Подумайте, голубчик, с этой точки зрения над последними десятью страницами. А так, вообще, все прочее надо давать целиком. Учтите, что вещь – со вставками, выброшенными в свое время «Современными записками». Вы их никогда не читали. В сборнике «Проза» – тоже урезанный вариант. Дайте нам знать – берете ли, – «родим» тогда введение, – оно необходимо. Идет?.. (12.03.68).

/.../ Вчера вечером получила Ваше послание, и вот спешу отправить фотографии...

Фотографии – у меня единственные, очень прошу возвратить их обратно – буду за них волноваться (горбоносый профиль – Е.О.Волошиной)... Непременно пришлите гранки Волошина: я Вас не подведу, не задержу, – видите, как я это доказываю! – А текст читать необходимо; там есть ошибки... (09.05.68).

/.../ Вы не забыли о своем светлом намерении познакомить меня с родиной моих праотцов?.. Осенью?.. (11.06.68). О своих приглашениях я не забыла, и в первый раз Анна Саакянц приехала в Армению осенью (в тот самый и «бархатный», и «золотой» ереванский сезон) 1968 года. А потом приезжала еще не раз. Много чего в Ереване и не только в Ереване увидела, фотоаппаратом своим снимала, со многими познакомилась, пообщалась, чувствовала себя, по ее же

---

¹² Анна Саакянц. Спасибо Вам. Воспоминания, письма, эссе. М., 1998, с.31.

словам, как дома. И об армянских впечатлениях, и достаточно подробно об армянском своем корне сама она рассказала в замечательной и по непосредственности, и по насыщенности беседе с Татьяной Геворкян под названием «Я верю в судьбу...». Беседа эта, хорошо отразившая «линию жизни» А.Саакянц, была опубликована в ереванской «Элитарной газете» от 25 марта 1999 г., ею же Саакянц открыла одну из последних своих книг: «Только ли о Марине Цветаевой?» (с.5-19).

«Мои армянские предки, – читаем в «Беседе», – жили в Елизаветполе... Мой дед – Хачатур Аветикович Исаакянц... был владельцем типографии, имел в Елизаветполе дом, большой виноградник и, как говорили, сказочный сад. Бабушка – Анна Амбарцумовна Захарянц, в честь которой я названа, была из знатного княжеского рода, попросту была княжной. Об этом в семье долгие годы молчали, я, например, ни разу не слышала о происхождении бабушки от своего отца... В семье Саакянцев было две дочери и три сына, и все они в разное время переехали в Москву...» (с.13). Далее рассказ обо всех о них, в частности об отце – Александре Христофоровиче Саакянце, и одно из впечатлений первой поездки на «родину праотцов»: «Помню такую сцену: я на площади – большая площадь перед оперным театром, солнце сияет, сидят на скамейках счастливые армянские старики... И мне так жалко стало своего папу, потому что он никогда не был в Армении, никогда этого не видел... Повторяю, родом мы, собственно, не из Армении, но именно в Армении, в Ереване пришло ко мне чувство родины... Потом я приезжала в Армению еще и еще. Всего раз пять была» (с.15-16).

До приезда в Ереван, в связи с «волошинским» номером «ЛА»:

/.../ Пребольшущее спасибо за сигнал. Радость оказалась, естественно, сильнее легкой печали по поводу утери последних трех страниц. Даже не верится, что это вышло (проза о Волошине в «ЛА», № 5 и №6 – Н.Г.)... Сергеевна, думаю, тоже не очень будет огорчена... (06.09.68).

По возвращении в Москву:

/.../ У меня перед кушеткой, посреди трех изображений Александра Исаевича, поместился католикос Вазген Первый. А на приемнике – большой заросший камень с Севана. Так-то.

Ариадна неважно себя чувствует и в нерве по поводу плохого состояния здоровья своих теток и неудач с памятником. По-моему она ничего не пишет... (28.11.68).

/.../ Ариадна неважно себя чувствует, к тому же у нее все продолжает тяжело болеть тетка, и это ее окончательно выбивает из колеи... С МЦ дела неважны – нигде ее сейчас не собираются печатать. В «Искусстве» книга пьес отложена на неопределенный срок. Орлову влетело в «Правде» от 17-го февраля за «Библиотеку поэта» и за статью о МЦ, в частности... (22.02.69).

/.../ Пыталась что-то царапать про МЦ – еще с весны, но безрезультатно: не могла сосредоточиться на печатно-цензурном варианте: неинтересно было. Потом моталась... по Сев.Двине. Ну, и вернувшись, волею судьбы столкнулась в «Новом мире», куда пришла исправлять допущенную в примечаниях к письмам МЦ опечатку, с предметом нашего с тобой преклонения (речь о А.И.Солженицыне – Н.Г.). С того момента «все смешалось в доме Облонских», сиречь в моей душе¹³. А то, что ноябрьские события (в ноябре 1969 г. А.И.Солженицын был исключен из Союза писателей – Н.Г.) сделали меня просто больной, – объяснять не приходится. Теперь немного очухалась – здоровая природа взяла верх, тем более что после двухмесячного перерыва услышала вчера по телефону голос нашего с тобой предмета; владелец его тоже немного прочухался и, хотя не вполне здоров, но выражает желание видеть меня послезавтра. Прости, что все о себе и себе пишу; не о себе – расскажу при встрече, а пока смекай над этими строчками (15.12.69).

/.../ Я сейчас уже вгрызаюсь в Бунина, – начинают на меня нажимать с этими примечаниями; хочу сделать по-новому (много глупостей понаписано в нашем 9-томнике); а поскольку я не «бунинист», то все пропахиваю заново. Но уже со многим написанным не согласна... (18.09.71).

/.../ Работаю. Буню готовлю к изданию. Над «Деревней» сижу. По-новому хочу комментировать. Глупостей много понаписано¹⁴... (05.10.71).

/.../ Следи за «Звездой», №6; на днях выходят воспоминания Ариадны (будут только в одном номере). («Страницы былого» А.С.Эфрон «вышли» в №6 1975 г., с.148-189 – Н.Г.). Я подписалась. Но пока ничего не приходит... Ариадна изредка пишет; чувствует себя получше. Волнуется за свои мемуары, и я тоже трясусь, но, говорят, они все же выйдут. У нас в планах замаячила МЦ – 30 листов – но я в это не верю: вряд ли утвердят... (24.06.75).

/.../ Спасибо за письма А.С. Прошу тебя: соберись со временем, перепечатай их все – чтоб были здесь. Мы сейчас собираем ее письма (Ариадна Эфрон скончалась в августе 1975 года – Н.Г.). А отрывочки из твоих, думаю, некоторые подойдут. Хотя это так трудно – отобрать сегодня что-нибудь для печати...

Теперь о твоём предложении. Хочу поскорее отправить это письмо – с

---

¹³ О «солженицынских» страницах в «линии жизни» А.А.Саакянц, общавшейся с писателем и помогавшей ему в работе см. в ее книгах «Спасибо Вам» (с.525-541) и «Только ли о Марине Цветаевой?» (с.17-18, 101-105, 112-121, 301-303)

¹⁴ Работа А.А.Саакянц, посвященная творчеству И.А.Бунина, отражена в целом ряде изданий, в их составлении, комментировании, в статьях, послесловиях, от сборника в серии «Классики и современники» 1978 года до собрания сочинений в шести томах 1996 года. Особо выделю изданный в 1987 г. в серии «Библиотека юности» (М., «Молодая гвардия») том «Жизнь Арсеньева. Роман, рассказы», с замечательными сопроводительными текстами А.А.Саакянц ко всем шести разделам.)

пожеланием написать две страницы об Ариадне (никаких «имен» и никаких Орловых). Об Исаакяне и МЦ, как ты понимаешь, сказать ничего не могу, т.к. знаю лишь то, что А.С. написала, а она и сама, оказывается, мало что знала... Ответь мне, дружок: могу ли я написать об одной лишь А.С. – и в каком, по твоему, лучше плане это сделать?..

Я буду ждать твоего ответа – напиши хоть два слова! – чтобы знать, как мне быть. Ибо времени, поверь, потребуется много, чтобы сделать прилично. Не удивляйся: гораздо труднее, чем «врезку» к самой МЦ... (07.03.76).

Пользуясь возможностями, которые давал исполняемый мною в научно-плановом, так сказать, порядке (теперь уже по работе в научной части Ереванского университета) очередной, второй, том серийного издания под названием «Литературные связи», я надумала повторно поместить в нем «Самофракийскую победу» и предложила Саакянц предварить ее несколькими страницами об авторе, что она и сделала.

/.../ Посылаю свой труд. Три страницы – три недели, тридцать переделок. Никогда так не мучилась. Видно, рано мне за такое браться: тяжело. И, главное, не сделала ни того, что тебе хотелось, ни к чему сама стремилась. Не вышла Ариадна-литератор; пыталась втиснуть побольше о человеке. И нет Аветика. Совсем. Прости, дорогая. И постарайся сохранить, чтоб не резали Ариадну.

Не могу тебе выразить, как я тебе благодарна, что ты дала мне возможность о ней написать. Потому что – кто же сейчас хоть три строчки напишет – с ее высказываниями, с ее мнениями? – Спасибо.

Насчет ее книги. С отрывками из писем пока не знаем, как обернется: мало их набирается и труднопроходимые... (04.04.76).

/.../ Очень жду появления хотя бы своих двух страничек об Ариадне¹⁵ – было бы очень важно, хоть бы ничего не сорвалось!

«Новый мир» №2 за этот год получила? Там письма МЦ к Волошину...

Посылаю тебе свой опус (открытое письмо М.Шагинян – Н.Г.). Копию послала в «Новый мир», и Наровчатов (в то время главный редактор журнала «Новый мир» – Н.Г.), говорят, отнесся положительно... (24.03.77).

/.../ На всякий случай, на след. неделе (в конце) начни смотреть в киосках журнал «Огонек» от 19 октября. Там, может быть, появится моя статейка о МЦ: «Тайный жар» (если все пройдет благополучно). Сейчас идет корректура (верстка) «Повести о Сонечке» (Н.Мир, №12 за этот год). Тьфу-тьфу... (11.10.79).

---

¹⁵ «Странички» эти см. в сб. «Литературные связи», т.2, Ер., 1977, а также под названием «Беглый портрет» открывают они книгу «Спасибо Вам», с.7-9)

/.../ Первые две недели жила воспоминаниями о столице Армении – очень светлыми, разумеется, – а потом... пошла на службу... Сейчас опять невменяема, так как пошла МЦ – 1-й том – корректура. Так что в отпуск уйти не может бедная хилая кроткая армянка... (декабрь, 79).

/.../ Я больше не служу, нигде... Это случилось неожиданно; мне сейчас лень описывать всю цепь обстоятельств, связанных с предполагаемой книжкой о МЦ. Короче говоря: предложили мне ее написать к осени, а у нас в издательстве получить отпуск за свой счет даже на 2 месяца невысказано, а мне надо было на 4-5. Я прикидывала, прикидывала – и решила смыться...

Итак, с 10 апреля я более не служу, с чем и поздравляю всех своих друзей, и тебя в первую очередь, дорогая...

Да! Один мой поклонник в издательстве (зам. главного редактора) позволил в Сов.Пис. и кажется, пробил мне договор на книжку о МЦ. Мы с редактором посоветовались и решили, что это будет другая книжка, не сборник статей, которые надо переделывать, превращая в нечто единое, что мне очень трудно, а просто книжка о творческом пути МЦ – листов на 13-15. И срок – не осень этого года, а лето будущего... (13.04.81).

/.../ Решила тряхнуть стариной и написать, хотя и разучилась.

Завтра /.../ мне вручат «писательский». Талантливее я от этого, нужно думать, не стану. Хочу верить, что «Огонек» с ликом МЦ до тебя дошел. С этим материалом я гастролировала в Петербурге. Приехав оттуда, засела за книгу и написала, как М.И.было хорошо в красивом Петрограде зимой 1916-го. Книгу пообещалась сдать к сентябрю; тогда же отдадут главному рецензенту – члену правления Сов. Писа. У меня там очень отзывчивый и трогательный редактор – будет «болеть» за мой труд... Ах, сколько еще недоделок в нем, а писать скоро не могу...

24 июля моя вторая гастроль (Александров), а в остальном жизнь должна быть монотонной, – вплоть до встречи с вами. При этом 8 или 9 октября – новая гастроль – в библиотеке – что-нибудь рассказать о МЦ – Мнухин¹⁶ устроил там целую конференцию... Да, еще гастроль 25-го мая – там же. «МЦ в изобразительном искусстве» – расскажу о Родзевиче¹⁷. Ох, господи!.. (21.05.84).

/.../ На письмо раскататься была не в силах. Причин тому две... Первая (главная) – конечно, моя книга. Проваландалась с ней, а теперь надо спешить: редактор над душой стоит, требует ее в марте (о чем не может быть и речи).

---

¹⁶ **Мнухин Лев Абрамович** (1938), литературовед, историк литературы, библиофил, заслуженный работник культуры РФ, известен, в частности, как специалист по творчеству Цветаевой – библиограф, составитель ряда представляющих Цветаеву изданий.

¹⁷ О К.Б.Родзевиче – герое «Поэмы горы» и «Поэмы конца», – и переписку с ним А.А.Саакянц см. в кн. «Спасибо Вам», с.471-522).

Но уж в апреле – непременно, тут хоть умри. А секрет в том, что, вместо того чтобы честно дописать в отдельных главах то, что в них не хватало и о чем с самого начала знала, сдав книгу условно, – я эти главы катаю абсолютно заново, ибо ненавижу написанные. Ну, в апреле у меня все это просто-напросто будет отнято, – интересно, на каком месте? Книгу он должен сдать в июне, а до этого, сама понимаешь, – отредактировать (ну, хотя бы внимательно прочесть и поредактировать. Сократить малость – это я и сама вижу). Итак, в апреле выпускаю ее из рук¹⁸, устраиваю маленький перерыв, пока он читает, а затем – думаю, с середины мая надо сидеть с редактором. В перерыв же (дней 10) мечталось бы слетать к вам, но это, конечно, зависит не от меня, а от вас, друзья мои!.. (26.01.85).

/.../ Меня всю рецензируют; штатный редактор в телячьем восторге; А.М.Турков¹⁹ – сугубо серьезен и требует литературоведения: обстановки, символизма и прочей ахинеи. Не буду его слушать. К сентябрю, считает, что управлюсь, но работы много. А я не считаю так. Не много... (лето, 86).

/.../ Пишу вам, грешным, из Переделкина, где застряла на все лето... Сделала за это время, впрочем, немало: отредактировала свою книгу: прибавила, убавила, выправила, переделала, – у меня, к счастью, была ее машинопись. В общем листа на два она стала больше... Ну, и несколько страниц 2-й книги написала. Пора, однако, в Москву. Но жара все время стояла: все равно толку бы не было... (03.08.89).

/.../ Я начисто отвыкла писать письма – ахматовская «аграфия». Что причиной? Лень или бессилие? То и другое, вероятно. Мы все загнаны в угол – в той или иной степени, но держимся – все держатся – и даже как-то добреем от безнадежности, но, впрочем, не хочу об этом.

Два слова о себе. Двухтомная моя монография о МЦ, кажется, в Питере зашевелилась. За это время я родила «дайджест» – краткий вариант (400 страниц на машинке). Его обещают издать, бесплатно и быстро. Но очень боюсь, что будет брак: редактора вообще нет, а корректор будет читать один раз, и непрофессионально. Но я и на это соглашусь. Еще забрезжило собрание сочинений МЦ... которое провалилось два года назад в издательстве «Современник». Мы его готовим с Мнухиным... в общем шевелимся кое-как... (04.03.93).

/.../ Общее состояние: устала. От всего. Настроение более или менее ровное, без стрессов, депрессий и истерики, но... «уж не жду от жизни ничего я...». Книга моя о МЦ (двухтомная, 55 листов) не вышла из-за отсутствия денег; за это время, буквально в последние дни, появились новые материалы, в

---

¹⁸ Первая книга Анны Саакянц «Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества (1910-1922)» вышла в свет в издательстве «Советский писатель» в 1986 г.

¹⁹ Турков Андрей Михайлович (1924-2016), литературный критик, литературовед, автор, в частности, изданных и переизданных в серии ЖЗЛ книг о Салтыкове-Щедрине, о Блоке, а также о Твардовском (2010).

связи с которыми нужно переделать два-три места. То ли это МЦ подает мне знак, что работа не завершена, то ли это означает, что книга вообще не будет издана... Надо искать наследника, который издал бы ее посмертно... (13.10.93).

/.../ «Сдвинулась с мертвой точки» моя книжка (короткий вариант в 300 страниц) о той же МЦ. Я ее исправляю, уточняю, дополняю. Редакторша собирается отдавать ее в набор уже в августе. Со дня на день жду набора большой книги – жду с ужасом, ибо снова читать одно и то же, да еще ссылки проверять, указатель исправлять, просто в ужасе.

И еще спешу сделать одну публикацию: письма ко мне К.Б.Родзевича. Сейчас, по прошествии времени, они кажутся весьма любопытными. Ему в ноябре будет 100 лет, и его больше всех любила МЦ...

А в Австрии, в Вене, было сказочно, дивно... Поездки по придунайским подвенским деревням, походы по сказочной Вене (лучше Парижа в три раза)... И был мой доклад в Венском университете о МЦ и А.Ахматовой – «Два психологических портрета». Был успех – у студентов и у С.Аверинцева, который там сейчас преподает... (11.07.95).

/.../ Итак, у меня в машинке заложены листки бумаги, предназначенные для мемуаров под названием «Юмор Ариадны» (она-то преодолевала невзгоды именно благодаря юмору), или «Шутки Ариадны» (первое, пожалуй, удачнее). Время от времени я подхожу к машинке и вяло выстукиваю несколько слов. Например:

*Я женщина простая,
Но чересчур толста я...*

Куда пойдут – не знаю. Но сделать надо. А лень. – Вчера по телевизору знаменитая Беата Тышкевич сказала, что женщина должна быть ленивой. Это утешает.

Книга моя о МЦ пока еще в корректуре, которая не ушла в типографию: очень медленно все идет. Выйдет ли она – неизвестно... (03.01.96).

/.../ Что можно сказать на расстоянии многих километров и полной, уже теперь, разьединенности? Не то что в Ереван: я с громадным трудом в Питер дозвонилась... Нас разбрасывает жизнь, отбрасывает друг от друга... Хорошего письма написать тебе не смогу.

Но коротко о себе все же напишу. Моя большая книга, может, и действительно выйдет – ближе к осени. Сейчас идет вторая корректура, возня с ней и т.п. Наверное, будет много опечаток, но это уже неважно²⁰..

Попутно я задумала другую: маленькую – туда собираю разные мемуар-

---

²⁰ Издание подготовленного А.А.Саакянц и Л.А.Мнухиным собрания сочинений Цветаевой в 7 томах осуществило издательство «Эллис Лак», восьмым (дополнительным) томом вышел в свет в 1997 году итоговый (восьмистраничный) труд Анны Саакянц «Марина Цветаева. Жизнь и творчество».

чики, письма и 2-3 статьи, не более 15 листов. Родила очерк о юморе Ариадны, собрав множество цитат, приличных и неприличных. Сейчас я обдумываю совсем маленький мемуарчик – об И.Одоевцевой, с которой общалась в 1988г. в Переделкине. Это – самая трудная будет работа, нужно многое осмыслить, хотя в результате выйдет не более 4-5 страниц. Пошлю в «Русскую мысль»²¹, где недавно вышел мемуар «Андроников – моя фамилия» (мой). А потом, возможно, – небольшой очерк о МЦ и Пастернаке... (11.05.96).

/.../ Затеяла я еще маленькую книжонку – о переводах Али, об Анастасии Цветаевой, Нине Берберовой...

А вот дальше – не знаю: то ли написать, наконец, о Солженицыне, то ли, как ты однажды посоветовала, «о времени и о себе». Ну, посмотрим.

... Я успела (правда, не очень подробно) просмотреть чудесную газету – «Элитарную». Молодец, все очень удачно, и стихи тоже²². Спасибо Вам... (02.05.99).

/.../ Летом немного переделала, – вернее, кое-что сократила и дополнила новыми материалами, – книгу о МЦ. Она выйдет... в начале сентября. Устала... 16 сентября в Болшево будут очередные торжества, – м.б., покажу (если в издательстве успеют) хотя бы «муляж» этой книги; она будет называться: «Жизнь Марины Цветаевой. Бессмертная птица – Феникс»... (конец 2000 г.).

Анны Саакянц не стало в конце января 2002 года. Вот в каких словах писали о ней в «Литературной газете» (в № 6-12 февраля): «... Когда никто у нас еще не задумывался над тем, что такое для нас Марина Цветаева, Анна Саакянц подружилась с Ариадной Эфрон, дочерью поэта, и стала ее сестрой – преемницей в познании и понимании великого творческого чуда, рожденного на беспредельных духовных высотах, в невысказанном человеческом и художественном напряжении /.../ Растворившись в море-океане Марины Цветаевой, Анна Саакянц навеки обручилась с бесконечной стихией. Памятником этой вечной любви остаются и пленительные книги самой Анны Саакянц – жизнь поэта, мемуары, критика. Под пером Анны Саакянц литературоведение вдруг явилось воспоминанием души, волшебством творения, соединив память, верность, порыв...»

Подводя итог всему здесь представленному, можно, я думаю, с полным на то основанием сказать, что вклад Анны Саакянц в цветаеведение по сей

---

²¹ В девяностые годы в газете «Русская мысль» (Париж) публиковались и другие страницы воспоминаний, статьи, письма, вошедшие затем в состав мемуарных книг А.А.Саакянц; так, с продолжением из номера в номер печатались здесь посвященные Ариадне Эфрон «Тарусский закат», «Поэт, дочь поэта».

²² Речь о выпуске ежемесячной восьмистраничной «Элитарной газеты», целиком посвященной Марине Цветаевой и Ариадне Эфрон (25 марта 1999). Выпуск этот представил, в частности, развернутую на две страницы «Беседу Анны Саакянц с Татьяной Геворкян», там же посвященные Цветаевой стихи Леонида Григоряна, Нелли Саакян, Георгия Кубатьяна.

день остается и впредь останется как уникальный по своей первичности, по фундаментальности, по уловленному Ариадной Эфрон «абсолютному слуху» к личности и творчеству Марины Цветаевой.

Ключевые слова: *цветаеведение, А.С.Эфрон, А.А.Саакянц, публикации, издания, вклад, переписка*

ՆԱՏԱԼԻԱ ԳՈՆՉԱՐ – *Աննա Սահակյանցը ցվետսևագիտության մեջ և ոչ միայն (1965-2000 թթ. նամակների հատվածների հրատարակմամբ)* – Աննա Սահակյանցի գրեթե կեսդարյա ստեղծագործական աշխատանքում գլխավոր տեղը զբաղեցրել է Մարինա Յվետսևայի կյանքի ու ստեղծագործության լուսաբանումը: Դառնալով բանաստեղծուհու դստեր՝ Արիադնա Էֆրոնի համախոհը՝ նա պատրաստել է Յվետսևայի առաջին հրատարակումներն ու հրատարակությունները ԽՍՀՄ-ում, հետագայում ևս շարունակելով նախաձեռնած գործը ընդհուպ 1996 թ. Երկերի ժողովածուի յոթհատորյակի լույսընծայումը: Ա. Սահակյանցի բազմամյա աշխատասիրության (հրատարակումներ, ներածություններ, հոդվածներ, 1986 թ. հրատարակված մենագրությունը և այլն) հանրագումարը դարձավ «Մարինա Յվետսևա. կյանքը և ստեղծագործությունը» (1997) ութհարյուրէջանոց գիրքը: Հոդվածի համատեքստում հրատարակելով Ա. Սահակյանցի նամակներից հատվածներ (1965-2000 թթ.)՝ հեղինակը ցույց է տալիս Ա. Սահակյանց ցվետսևագետի ուղին, գնահատում նրա ներդրումը, ինչպես նաև ուշադրություն է դարձնում նրա կյանքի և ստեղծագործության այլ առանձնահատկությունների:

Բանալի բառեր – *ցվետսևագիտություն, Ա. Ս. Էֆրոն, Ա. Ա. Սահակյանց, հրատարակումներ, հրատարակություններ, ներդրում, նամակագրություն*

NATALYA GONCHAR – *Anna Sahakyants in the Work and Writings on Tsvetaeva and not only (with Fragments of Letters, 1965-2000)*. – The investigation and interpretation of Marina Tsvetaeva’s life and creative work took the main place in almost half a century literary work of Anna Saakyants. As a devoted companion of poet’s daughter, Ariadna Efron, she made ready first publications and editions of Tsvetaeva in USSR, and subsequently, also up to Tsvetaeva’s collected works in 7 volumes (1996). The fundamental (over 800 pp.) book of A.Sahakyants “Marina Tsvetaeva. The Life and Work” (1997) became the total result of her many years studies and writings on the beloved literary figure. The author of this article presents a long and efficient path traversed by Sahakyants in the indicated direction, evaluates her contribution in Tsvetaeva-sphere, also pays attention on other sides of Sahakyants life and work. Many fragments of letters (1965-2000) are published in the article for illustration.

Ключевые слова: *Marina Tsvetaeva, Ariadna Efron, Anna Sahakyants, publikation, edition, contribution, letters*